

Татьяна Коростышевская

**Сад для бедной
Маргаритки**

ИДДК

Татьяна Коростышевская
Сад для бедной маргаритки

«ИДДК»

2021

Коростышевская Т. Г.

Сад для бедной маргаритки / Т. Г. Коростышевская — «ИДДК»,
2021

"Сад для бедной маргаритки" – фантастический рассказ Татьяны Коростышевской, жанр любовное фэнтези. Юная Маргарита осталась сиротой и теперь вынуждена прислуживать своей злобной мачехе и сводным сестрицам. Такова судьба, ее не изменит даже волшебный подарок феи. Тем более, Маргарита – девушка практичная и не мечтает о принце. То есть, принцах, их на балу будет двое. Да еще и волшебство ровно в полночь должно развеяться...

© Коростышевская Т. Г., 2021

© ИДДК, 2021

Татьяна Коростышевская

Сад для бедной маргаритки

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

* * *

Ардерских принцев звали Клод и Филипп, причем кого именно как – для большинства обитателей замка оставалось загадкой, ибо юноши были близнецами, высокими и широкоплечими, с одинаково блестящими темными волосами и глазами столь теплого карего оттенка, что пред восхищенным либо влюбленным их взглядом не в силах была устоять ни одна девица, вдовушка, дама, танцовщица или куртизанка на многие лье окрест. Его величество Тигарден наследников различал, но обращаться к ним предпочитал как «болваны вы половозрелые», «династическое проклятие», «лентяи», ну и прочими нелестными эпитетами, диктуемыми бурным военным прошлым венценосной особы.

В этот прекрасный летний вечер, дарующий наконец прохладу, когда Лорд Солнце еще не до конца скрылся за горизонтом, а супруги его, луны Нобу и Алистер, только готовились явить человечеству свои лики – темный и белоснежный соответственно, принцы беседовали на крыше башенки внутреннего замкового круга и, полускрытые балюстрадой, угощались птичьей вишней, сплевывая косточки вниз.

– Король все-таки исполнил свою угрозу, – сказал Клод, метким выстрелом сбивая перо с шествующей через двор дамы. – Он нас женит. Четыре два.

– Продолжение династии есть первейшая обязанность, – Филипп явно кого-то передразнивал, – налагаемая на... Пригнись! Нас заметят!

– Война его испортила, – сообщил Клод, переживая опасность на корточках. – Я имею в виду не вообще, а последняя. Он вдруг задумался о хрупкости человеческой жизни и опасности оставить престол без наследника. Старееет.

– Буквально накануне я пытался донести до старикана мысль, что переизбыток наследников хуже недостатка, приводил примеры из древнейшей и заграничной истории про братоубийства, отцеубийства и детоубийства.

– А он что? – Клод выглянул за парапет и щелчком отправил вниз очередную косточку. Истошный дамский визг проводил последние солнечные всполохи. – За это, пожалуй, я получаю сразу два очка, счет шесть два в мою пользу.

– Он выразил восхищение нашему учителю и заставил меня чистить конюшни, чтоб физическая моя форма не отставала от умственной. – Филипп поморщился и, высмотрев жертву, отправил косточку в цель. – Шесть три.

– Ты только посмотри, сколько женщин приехало по наши души! Сотня?

– Лорд канцлер сказал, что двести три половозрелых ардерских девицы возрастом от тринадцати до сорока восьми лет выразили желание принять участие в отборе. А его величество заметил, что «если из двух сотен женщин эти обалдуи не выберут...»

– Я гляжу, ты у нас примерным наследничком заделался: с тем побеседовал, с этим... Готовишься?

– Шесть шесть!

– Врешь! Одним выстрелом?

Во дворе уже зажглись фонари, поэтому принцы без опаски перегнулись через балюстраду.

– Смотри! Вон та семейка. Вульгарная матушка в цветочной шляпе и две дочери – дылда и толстуха.

– Какой кошмар, – хмыкнул Клод. – Хотя тебе подойдет та, что пострашнее. Не уверен, они обе, гм-м, тебя достойны.

– А тебя вообще мать! погоди, дочурок три. Сейчас я ее...

– Это горничная. Одеты в какие-то обноски и тащит весь багаж. Хотя нет, кастелян говорил, что гостям привозить слуг запрещено. – Принц придержал брата за локоть, не позволяя сделать выстрел. – Хорошенькая какая!

Девушка внизу как раз запрокинула голову, пытаясь рассмотреть, откуда прилетели снаряды в ее родственниц. Большие светлые глаза и густые блестящие волосы казались серебряными в фонарном свете.

– Мой выбор сделан, – сказал быстро Филипп. – Молодая, сильная, вон какую поклажу способна нести. Немедленно нужно сообщить старикану, что оставшиеся двести две девицы...

– Ну-ну, малыш, – Клод покровительственно похлопал брата по плечу, – разберемся по старшинству. Эту маргаритку выбираю я.

– Можно подумать, четверть часа, на которые ты дольше портишь жизнь окружающим, хоть что-нибудь решают. Я первый.

И принцы, толкаясь плечами на узкой винтовой лестнице, наперегонки устремились к его величеству Тигардену.

* * *

Жара стояла просто ужасная. Вереница экипажей растянулась на многие лье по столичному тракту, наша карета продвигалась среди прочих с медлительностью улитки. Разумеется, все были раздражены, и многие не считали нужным свое раздражение сдерживать. Мне еще повезло, маменька позволила взять с собой на облучок старый зонтик от солнца, почти совсем не дырявый, а во флягу, которую я отыскала среди хлама на чердаке, поместилось около двух пинт колодезной воды. Форейтору Жану приходилось хуже, хотя бы потому, что жажду он утолял кисло воняющим сидром. Уже к полудню соседа моего изрядно развезло, и хмельную свою злость он направил на первый же сочтенный им достойным объект. Форейтор выругался и щелкнул кнутом стоящую на обочине нищенку. От резкого звука удара я вздрогнула, а женщина рухнула в дорожную пыль. Наша карета продвинулась вперед еще на пару локтей. Я спрыгнула с облучка и приблизилась к несчастной.

– Простите. – Протянув руку, я помогла ей подняться. – Он не хотел...

– Не хотел? – Нищенка сплюнула под ноги и размазала плевков босой ступней. – Не хотел...

– Простите, – повторила я, думая, как скоро маменька заметит мое отсутствие и что по его поводу скажет.

Скорее всего: «Подобное тянется к подобному, вот и замарашка нашла себе подружку-оборванку». И добавит, что, если бы не ее, маменькина, доброта, ходить бы мне от деревни к деревне, прося подавание, как эта босоногая нищенка.

Женщина была очень высокой и болезненно худощавой, ее платье из вытертого до ветхости темного бархата висело на ней мешком, распущенные черные волосы, влажные у лица, к плечам покрывал слой пыли, скуластое лицо тоже было грязным, нижняя губа напухла от удара.

– Держите! – протянула я носовой платок. – Если смочить ткань...

– Пустая трата жидкости. – Глаза нищенки блеснули алым, она схватила флягу и жадно приникла к горлышку.

Вереница экипажей пришла в движение, и я потянула за ветхий бархатный рукав, чтоб мы отошли с дороги в жухлую траву.

– Дворянский герб? – спросила женщина, рассматривая опустевшую флягу. – Кажется, де Жуаньи? Украсть вещицу ты не могла, просто духу бы не хватило, значит... Ты, что ли, графская служанка? И господа твои путешествуют ко двору в столь чудовищной развалюхе, посадив на облучок какого-то неотесанного пейзажника?

Отчаянно покраснев, я пробормотала:

– Маргарита де Жуаньи, и...

– И юная графиня, – нищенка исполнила преувеличенно торжественный реверанс, – не сумевшая окоротить зарвавшегося слугу, желает теперь избежать последствий?

– Последствий? – растерялась я. – Нет, просто...

Что просто? Я ее пожалела, эту странную женщину, по-человечески пожалела. И да, укоротить фореитора я не смогла, и вовсе не от недостатка времени. Потому что никакая я не графиня, я никто, меньше чем никто, падчерица, бесправная и нелюбимая.

– Возьмите, – протянула я зонт. – Небольшая защита от солнца вам не повредит. Прощайте.

– Марго! – остановил меня властный возглас.

Подняв лицо, я встретила взгляд алых глаз.

– Фата?

Так вот о каких последствиях она говорила. Нищенка, сбитая с ног ударом хлыста нашего фореитора, деревенского столяра Жана Экю, оказалась феей. Если верить слухам, эти волшебницы часто бродили среди людей, награждая либо наказывая их по своему разумению. А наказывать они могли.

Не в силах ни пошевелиться, ни что-нибудь произнести, я смотрела в алую пульсирующую глубину, поглощенная ею без остатка. Гляделки продолжались довольно долго, настолько, что когда наконец удалось моргнуть, ноги мои ослабли и я пошатнулась.

– Забавно, – сказала фея, – похоже на начало простенькой народной сказки. Мачеха стремится пристроить при королевском дворе двух любимых дочурок, а главной героиней, к удивлению почтенной публики, оказывается третья, не родная, лишняя, нелюбимая.

– Простите?

– Падчерица забита донельзя и находится в отчем доме на положении прислуги. Каминь, небось, чистить заставляют? Не отвечай. Ты, Маргарита де Жуаньи, для меня как открытая книга. Умненькая, но не слишком, добрая, но без придури, воспитанная. Папенька успел до отбытия в чертоги Спящего этим озаботиться. Замуж только выдать не успел, оставил это на новую супругу. Но у той своих двое. Что же ждет нашу деву? В сказки мы давно не верим, так что ничего хорошего. Будет прислуживать маменьке до старости. Но... – Фея широко улыбнулась, теперь, когда она не притворялась человеком, острые ее зубы хищно блеснули. – В силах бродячей пожилой фаты подарить бедняжке толику волшебства. Не будь я Леонидия, некогда восседавшая по правую руку пресветлой Алистер.

Я подумала, что фей тоже может настичь безумие: Алистер звали одну из двух небесных королев, а моя собеседница сейчас явно бредила.

– Ты дала мне напиток, – сказала сумасшедшая фата, – и подарила зонт, поэтому получишь ответный подарок. Маргарита? Скорее маргаритка, которой не помешает садовник. Держи.

Она вложила мне в ладонь продолговатую горошину.

– Ты не мечтаешь о принце, твои фантазии приземлены и рассудочны, посему дарую тебе исполнение желания. Зарой это семечко в саду и мысленно, но четко, попроси о самом заветном.

– Благодарю, – поклонилась я, не спорить же с безумицей. – Хорошего вам дня, фата Леонидия, и легкой дороги.

– Никому мой подарок не показывай и не говори о нем, иначе... – Длинные пальцы с кинжальными когтями вспороли воздух у моего лица. – А мачехе своей хитроумной передай, что чокнутая колдунья отблагодарила тебя вот этим.

В другой моей руке оказалась увесистая серебряная коробочка, а фата растворилась в дрожащем от зноя воздухе, взмахнув на прощание зонтом.

Коробочку маменька отобрала у меня сразу после того, как я нагнала нашу карету и, следуя родительскому приказу, забралась внутрь.

– Белила? – сунув нос под крышечку, саркастично спросила графиня. – Гортотензия, Кортозалия, девочки, наша замарашка собирается свести с мордочки загар, чтоб поразить в самое сердце одного из принцев.

Сестры захихикали, Горти ткнула меня в бок твердым, как палка, пальцем, а Корти ущипнула за другой. Матушка же, леди Астролябия де Жуаньи, поморщилась и велела:

– Ступай на облучок, Марго, жариться под солнцем и подумай о том, что раздавать родительские подарки дорожным попрошайкам глупо и оскорбительно.

Перебираясь к форейтору, я слышала, как одна из сестер бормочет:

– Но замарашке удалось умилостивить фею, не будьте к ней строги, маман.

– Ты поверила этой лгунье, милая? Фата, побирающаяся у дороги? Это нелепо. Но белила... Запах волшебный...

До самой Ардеры никто из семьи со мною больше не разговаривал.

Мы, как и прочие прибывающие, стремились в столицу для участия в большом королевском празднестве. Официально было объявлено, что оно ознаменует нашу победу в войне со Скасгардией, но неофициально, о чем не преминули сообщить дворцовые герольды, отправленные даже в самые отдаленные уголки королевства. Его величество Тигарден хотел видеть при дворе всех незамужних девиц дворянских фамилий, чтоб самые достойные из них стали супругами юных ардерских принцев. Принцев было двое, девиц – не менее двух сотен, сражение предстояло нешуточное. Даже не сражение, а полноценная позиционная борьба на долгие недели. Я, по понятным причинам, от участия в ней была избавлена. Если бы маменька дала себе труд поразмыслить, прежде чем собираться в поход, то поняла бы, что и сестер вожденная награда вряд ли ждала. Жуаньи, наше старинное поместье, давно превратилось в развалины; хозяйство, полторы деревеньки, год от года хирело, так что поразить столичных аристократов нарядами либо драгоценностями сестры мои не могли. Что же до внешности... Материнская любовь слепа, Гортотензия и Кортозалия красотой отнюдь не блистали. Было им уже за двадцать, этим непохожим друг на друга близняшкам, Горти была худа и длинна как жердь, Корти, напротив, приземиста и округла. Горти страдала несварением, что предавало ее коже землистый желтоватый оттенок, Корти – прыщами. Маменька тратила астрономические суммы на всяческие притирки и примочки для дочерей. Мне же было велено коротко стричься, чтоб сестры не расстраивались, заодно снабжая их волосами для парадных париков. Теперь, по прошествии трех лет, головы близняшек украшали мои пышные пепельные локоны. Когда папенька покинул земную юдоль, мне было пятнадцать, и, расплетая перед сном косу, я могла укрыться волосами, как плащом, до самого пола, сейчас они едва достигали плеч, и через месяц, самое позднее, мне предстояло их снова остричь под корень. Было ли мне обидно? Нисколько. Гораздо больше тревожило то, что о де Жуаньи могут плохо подумать. О бедных Жуаньи, разоренных Жуаньи, несчастных Жуаньи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.